

УДК 94(47)

ТРУДОВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАКЛЮЧЁННЫХ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ (НА ПРИМЕРЕ СТРОИТЕЛЬСТВА КУЙБЫШЕВСКОЙ И СТАЛИНГРАДСКОЙ ГЭС)

© 2012

Е.А. Тимохова, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История и философия»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: мобилизационная экономика; модернизация; ГУЛАГ; принудительный труд; трудовое использование заключённых; лагерная экономика; политические репрессии.

Аннотация: На примере использования труда заключённых на строительстве Куйбышевской и Сталинградской ГЭС определены роль и место принудительного труда в мобилизационной экономике СССР.

Мобилизационная экономика - тип экономических отношений, при которых все ресурсы страны направляются на одну или несколько приоритетных целей в ущерб другим отраслям, что нарушает гармоничность развития страны, происходит форсированное расширение прямых экономических функций государства, связанное с необходимостью концентрации в его руках основных видов ресурсов и факторов производства.

Предпосылки формирования мобилизационной экономики в России исследователи видят в комплексе постоянных внутренних и внешних факторов: неблагоприятная природная среда, рассеяние в огромном пространстве населения, невыгодность многих видов производства и потери при обмене, агрессивное геополитическое окружение. Эти факторы дополнялись неблагоприятными ситуационными факторами или экстраординарной актуализацией постоянных неблагоприятных факторов: природные катаклизмы, неурожай и голод, войны[1]. В результате ещё в имперской России частым явлением стала централизация власти и собственности, высокая роль государства в экономике, ограничение или контроль частной инициативы. На протяжении столетий в российской экономике присутствовали мобилизационные элементы, а в отдельные периоды (войны) и вся экономика приобретала мобилизационный характер. Мобилизационная модель экономики в России напрямую была связана с решением задач модернизации страны.

Советская мобилизационная модель экономики, по мнению большинства исследователей, начинается формироваться в конце 1920-х годов. Её рождение стало результатом наложения на объективные задачи хозяйственного развития (преодоление разрухи, восстановление экономики, индустриализация, решение социальных проблем) идеологических постулатов большевизма (общественная собственность на средства производства, отмирание традиционных функций денег, воспитание человека новой формации). К числу наиболее характерных черт мобилизационной экономики в СССР относят: одностороннюю ориентацию на тяжёлую промышленность; оборонный характер; сверхцентрализацию и безрыночную модель; командно-административные методы управления экономикой; негативную кадровую селекцию, этатизм и автаркию[2].

Одним из элементов советской мобилизационной экономики стало использование принудительного труда заключённых. При этом, как отмечает исследователь Зубков, логика широкого использования принудительного труда покоилась на выборе не между рентабельностью и нерентабельностью осуществляемых с его помощью проектов (как это могло быть в условиях рынка), а между их осуществимостью или неосуществимостью[3]. Эксплуатация принудительного труда становится единственным возможным способом осуществления форсированной модернизации в условиях экономической отсталости страны, опоры исключительно на внутренние ресурсы, враждебного окружения. Быстрое возведение крупных народно – хозяйственных объектов в отдалённых районах страны в суровых климатических условиях, при отсутствии инфраструктуры становится невозможным не только в условиях рынка, но и силами вольнонаёмных работников. К концу 1920 – х годов обязательный производительный труд окончательно закрепился и в советской пенитенциарной системе.

В послевоенные годы, несмотря на кризис лагерной экономики, в условиях ограниченности материальных ресурсов и масштабы предложенных планов возведения новых хозяйственных объектов, с учётом пополнения ГУЛАГа новыми заключёнными, роль принудительного труда возросла. Весомую долю лагерной экономики составили гидротехнические сооружения. Начиная с 1950 г. силами заключённых ГУЛАГа возводились «сталинские строки коммунизма» - Волго-Донской, Волго-Балтийский, Туркменский каналы, Куйбышевская и Сталинградская гидроэлектростанции.

Цель данной статьи: на примере строительства двух крупнейших гидроузлов Поволжья определить роль и место принудительного труда в мобилизационной экономике СССР.

Решение о строительстве Куйбышевской и Сталинградской ГЭС было принято с разницей в один год. Постановлением Совета Министров СССР от 30 июня 1949 г. на Министерство внутренних дел СССР было возложено проектирование и строительство Куйбышевской гидроэлектростанции на р. Волга с окончанием всех работ в 1955 г., 16 августа 1950 г.

было принято постановление, возложившее на то же министерство проектирование и строительство Сталинградской гидроэлектростанции, которое планировалось закончить в 1956 г.

Возложение строительства гидроэлектростанций на МВД означало, что на нём в основном должна использоваться рабочая сила заключенных. В 1949 г. был образован Кунеевский ИТЛ, обслуживающий строительство Куйбышевской ГЭС (в 1950 г. был передан в подчинение строительной организации «Куйбышевгидрострой» (КГС), упразднён лагерь был в 1958 г.) [4]. Для реализации запланированных работ по Сталинградской ГЭС в 1950 г. вместе с созданием строительной организации «Сталинградгидрострой» был организован Ахтубинский исправительно-трудовой лагерь (закрит в мае 1953)[4].

Заключенные привлекались к разработке каменных карьеров, перевозке грузов, строительству автодорог, железнодорожных веток, прокладке линий электропередач, на строительстве и обслуживании бетонных, ремонтно-механического и авторемонтного заводов, автобаз, ремонтно-механических мастерских, гаражей, складов, погрузочно-разгрузочным и столярным работам, на жилищном и коммунально-бытовом строительстве.

Кунеевский ИТЛ выделял заключенных Куйбышевгидрострою на контрагентских началах по - преимуществу на тяжелые работы. На строительство котлована ГЭС в первой половине 1953 г. круглосуточно, в три смены, выходило от 12 до 15 тысяч заключенных (83 – 86 % от общей численности работников). К октябрю 1955 г. усилиями заключенных Кунеевского ИТЛ была намыта земляная плотина длиной 2 800, шириной 750 и высотой 52 м; построено здание ГЭС длиной 700 шириной 100, высотой 85 и глубиной 45 м. Использование заключенных на Сталинградгидрострое было особенно интенсивным до 1953 г., завершение строительства велось по-преимуществу силами вольнонаёмного состава[4]. Характер выполняемых на строительстве работ обусловил преобладание среди заключенных квалифицированной рабочей силы. На инженерные работы привлекались по – преимуществу вольнонаемные.

Производительность труда заключенных в первые годы строительства гидроэлектростанций была ниже плановой. По Кунеевскому ИТЛ она составила в январе 1951 г. - 86 %, что объяснялось, по мнению заместителя начальника управления ИТЛ и КГС Н. Ф. Виличко, в основном «атмосферными условиями: сильный мороз, пурга, короткий световой день», а также перебоями со стройматериалами[5]. По Ахтубинскому ИТЛ вывод на объект в декабре 1951 г. составил 78,2% к списочному составу. До 40% всех сельщиков не выполняли норм выработки, в отдельных лагпунктах до 85,7 - 99%[6].

Самыми распространёнными причинами невыполнения производственных норм являлись простои. Они могли быть по вине лагеря: отсутствие охраны, несвоевременный вывод на работу из-за того что заключенные доставлялись на работу пешком за счёт рабочего времени, преждевременный съём с объектов, в результате чего ежедневно терялось от 1,5 до 2 часов. Простои случались и по вине строительства: отсутствие фронта работ, отказ начальников участков от

закреплённых за ними заключенных, выдача нарядов с опозданием, приписки, выписки на вымышленные работы, случались выводы на работы без нарядов-заданий[8]. План строительства Сталинградской ГЭС с наполнением контингента заключенных, как основной рабочей силы строительства, не увязывался. Из-за отсутствия фронта работ большое количество заключенных не было трудоустроено.

Преодолев сложности начала строительства оба лагеря вышли на плановые показатели по трудовым нормам. Спецконтингент Ахтубинского ИТЛ уже к 20 августа 1951 г. установленный правительством годовой план строительного-монтажных работ выполнил, а в декабре была выполнена удвоенная годовая норма. Средняя производительность труда за октябрь составила 119,8%, выработка на 1 трудодень в среднем по ИТЛ – 23 р. 55коп. (119,8% плана – 19 р. 65 коп.) [7]. При недостатке рабочей силы план выполнялся за счёт увеличения вывода заключенных на основное производство.

На строительстве Куйбышевской ГЭС ситуация была похожей. Вывод на работы в июле 1951 г. уже составил 84 % (план 82%). За первое полугодие 1951 г. средняя дневная выработка одного заключенного составила 20 р. 40 коп. (план 18 р. 92 коп.) За 9 месяцев 1951 г. выросла до 21 р.60 коп.[8].

При выполнении в целом производственных норм и планов, говорить о какой - либо стабильности в трудовом использовании спецконтингента данные источников не позволяют. Производительность и выработка на 1 чел./день всегда оставалась на грани плана, при редком его превышении и нередко невыполнении плановых норм.

Типичным явлением для лагерной экономики было использование не по прямой специальности ИТР и квалифицированных рабочих из числа заключенных. Так в Кунеевском ИТЛ во II квартале 1951 г. не по прямой надобности использовались 53 инженера, 71 техник, 38 экскаваторных машинистов, 208 трактористов и 450 шоферов[5]. В Сталинградгидрострое в первой половине 1951 г. около 160 заключенных инженеров и техников, 4863 человек заключенных, имеющих рабочие специальности и квалификацию, частично привлекались на общие работы[9].

На строительных объектах отмечались случаи грубого нарушения техники безопасности: заключенные работали без страховки, без соответствующей спецодежды, что приводило к травматизму среди спецконтингента. Основной производственный травматизм - ожоги известью глаз и рук, переломы конечностей.

Проблемой в трудовом использовании спецконтингента была текучесть кадров по причине освобождения заключенных после отбывания срока. В целях создания постоянных квалифицированных кадров на строительстве МВД СССР обязал руководство КГС «обеспечить максимальное закрепление за строительством ГЭС специалистов из числа лиц, отбывших срок наказания». Эта практика была типичной для экономики ГУЛАГа.

Значительные сложности в трудовом использовании заключенных возникли после разделения руководства строительства и лагерей: в 1953 г. управления строительства гидроэлектростанций (Куйбышевгидрострой, Сталинградгидрострой) были переданы в

министерство электростанций и электропромышленности СССР, а ГУЛАГ перешёл из подчинения МВД в МЮ СССР, тогда же произошло разделение руководства строительства (КГС и СГС) и ИТЛ (Кунеевского и Ахтубинского). Как свидетельствуют докладные записки руководства Кунеевского ИТЛ на имя начальника ГУЛАГа, КГС не представлял заранее план трудового использования заключенных, привлекал заключенных к совместным работам с вольнонаемными, не следил за соблюдением техники безопасности на производстве. Вследствие этого отмечался простой рабочей силы, заключенные получали от вольнонаемных (большинство из них – бывшие заключенные) запрещенные вещи (водку, ножи и т.п.), а также «производственные травмы заключенных приняли массовый характер» [10]. После возвращения в 1954 г. ИТЛ в подчинение МВД ситуация на строительстве улучшилась. Таким образом, соединение производственных и пенитенциарных составляющих в подчинение одному ведомству обеспечивало большую эффективность функционирования системы в целом, и лагерной экономики в частности.

После войны большинство гулаговских предприятий государственных планов не выполняли. Уровень производительности труда на стройках МВД был ниже, чем на стройках союзных наркоматов на 50 % [11]. В этих условиях руководству страны пришлось искать новые механизмы стимулирования заключенных к труду. В 1950 г. правительство приняло постановление о введении оплаты труда заключенных во всех исправительно-трудовых лагерях и колониях. Заключенные получали зарплату, исходя из пониженных до 30 % тарифных ставок и должностных окладов в соответствующих отраслях. Кроме этого была восстановлена система зачетов, при которой хорошая работа влияла на срок заключения.

В Кунеевском ИТЛ после введения системы зачетов (при выполнении нормы на 121 % и выше один день ударной работы такому передовику засчитывался за три дня) на строительстве возросла производительность труда, на большинстве участков производственный план выполнялся [10]. На Сталинградгидрострое эта система распространялась не на все категории заключенных. Исключение составили осужденные за контрреволюционные преступления, бандитизм и хищения государственного и общественного имущества [12]. При этом 70 % заработанных заключенными денег уходило на их содержание: питание и вещевое довольствие. В конечном итоге заключенные получали 1/3 от заработанных ими денег, что снижало эффективность этой формы стимулирования труда спецконтингента [12].

Руководство лагерей и строительства заботилось о повышении эффективности труда спецконтингента. С целью увеличения количества заключенных-специалистов на Сталинградгидрострое были организованы курсы повышения квалификации без отрыва от производства. Благодаря им к лету 1952 года было заменено заключенными 224 вольнонаемные должности бригадиров, отмечено перевыполнение производственного плана прошедшими обучение [12].

Также одним из методов поощрения было расконвоирование заключенных. А для стимулирования труда заключенных в ноябре 1950 года при Управлении

«Сталинградгидростроя» был организован Центральный штаб по руководству трудовым соревнованием среди заключенных [12].

После объявления амнистии и начала демонтажа системы ГУЛАГа строительства переживали непростые времена. По данным КГС, в 1955 г., когда на вольнонаемный труд были переведены несколько производств, при плановой потребности в первом квартале 50 357 работало 46 122 чел. Проблему пытались решить за счёт вербовки добровольцев – комсомольцев, но среди них возникла большая текучесть (уходят в армию, на учёбу, увольняются за нарушение трудовой дисциплины). В феврале 1956 г., по данным КГС, из запланированных 2500 человек прибыло 1662, убыло 1810, что привело к невыполнению плана. Производительность труда в 1959 г. составила 87 %. Среди вольнонаемных отмечалась низкая квалификация [13]. По данным Сталинградгидростоя из 15318 чел. вольнонаемных, прибывших в 1955 г. на строительство, убыло 9067 человек, из них по уважительной причине 5972, самовольно оставили строительство 1560 человек [13]. На некоторых участках работ замена спецконтингента вольнонаемными привела к тому, что объекты оставались вообще без рабочей силы, так как из-за отсутствия жилья и элементарных культурно – бытовых условий набрать вольнонаемных не представлялось возможным. Проблему пытались решить проверенным способом – за счёт привлечения к работам бывших заключенных. Перелом в комплектовании кадров на Сталинградгидрострое произошёл в 1956 г. с улучшением жилищно-бытовых условий строителей и постепенным снижением объёма строительных работ. Похожая ситуация наблюдалась в эти годы и на других гулаговских стройках.

Данные источников позволяют утверждать, что руководству КГС удалось организовать более эффективное трудовое использование спецконтингента. Даже амнистия 1953 г. и начавшийся демонтаж всей системы лагерей и колоний ГУЛАГа не повлияли на интенсивность использования труда спецконтингента. Заключенные сыграли решающую роль в строительстве Куйбышевской ГЭС, использовались на всех этапах строительства, численность контингента, содержащегося в Кунеевском ИТЛ, напрямую зависела от объёма работ на строительстве, максимальная пришлась на 1953 – 1954 гг., когда развернулись основные работы по возведению гидротехнических сооружений. Куйбышевгидрострою удалось после 1953 г. сохранить темпы строительства, возведение Куйбышевской ГЭС было завершено на три года раньше Сталинградской, где переход на вольнонаемный труд создал трудности, потребовал дополнительных материальных, людских и временных ресурсов.

Таким образом, оптимальные показатели трудового использования заключенных на строительстве Гидроэлектростанций достигались при соблюдении лимита наполнения лагеря, требований к категориальному составу заключенных (статейные признаки, сроки заключения, режимы содержания, возможности расконвоирования, физическое состояние), условий содержания. Снижение производительности труда нередко зависело от отсутствия заранее утвержденного плана работ, несогласованности действий руководства лагеря и строительства, нехватки строительных

материалов, слабой механизации погрузочных работ, от несоблюдения условий труда заключенных. Предъявляемые местом (в центре страны) и характером выполняемых работ требования к категориальному составу заключенных нередко вступали в противоречие с потенциалом послевоенной системы ГУЛАГа.

Возведение Гидроэлектростанций пришлось на период кризиса лагерной экономики и поиска новых форм стимулирования труда заключенных. Восстановление зарплат и системы зачетов позволило повысить производительность труда в ИТЛ. Однако, о какой – либо стабильности в трудовом использовании лагерного контингента говорить не приходится.

Оценить эффективность лагерной экономики с точки зрения рентабельности или себестоимости производимой продукции не представляется возможным, критерии, применимые к экономике рыночной, в данном случае не работают [14]. Можно лишь говорить о роли спецконтингента в строительстве того или иного народно – хозяйственного объекта, развитии региона или отрасли. Исследователи проблемы неоднократно обращают внимание на относительно малую долю спецконтингента в общесоюзном трудовом фонде. Так А.А. Цеплакова приводит следующие данные на интересующий нас период. Максимальная численность заключенных в СССР составляла в 1950 г. 2,5 млн. человек, в то время как общее количество рабочих и служащих в народном хозяйстве в том же году равнялось 40,4 млн. При этом из 2,5 млн. заключенных лагерей и колоний ГУЛАГа трудоспособных насчитывалось около 2 млн. Очевидно, что трудфонд ИТЛ и ИТК был невелик и составлял чуть более 6 % общесоюзного [15]. Тем не менее, спецконтингент выгодно отличался от вольнонаёмного мобильностью, простотой поддержания необходимой численности и неприхотливостью к условиям жизни и труда, что было особенно ценно для экономики мобилизационного характера.

Таким образом, мобилизационная модель советской экономики позволила при крайне неблагоприятных стартовых условиях, успешно и в кратчайшие сроки осуществить поставленные задачи по модернизации страны. Система ГУЛАГа, выполнявшая комплекс экономических функций, позволяла мобилизовать, прежде всего, трудовые и материальные ресурсы страны. Однако, в рамках мобилизационной модели не удалось создать прочную экономическую базу, конкурентоспособную, альтернативную рыночной модели, имеющую потенциал успешно осуществлять модернизацию на постиндустриальной стадии. Не следует забывать и другие последствия мобилизационной экономики, основанной на применении принудительного труда. Среди них финансирование по остаточному принципу нестратегических отраслей, в том числе социальной сферы, игнорирование проблем защиты окружающей среды, истребление человеческих ресурсов, формирование безответственного отношения к

труду и его оплате, пренебрежительное отношение к закону и правоохранительным органам, проникновение в общественное сознание и поведение элементов лагерной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сенявский А. С. Советская мобилизационная модель экономического развития: историко-теоретические проблемы // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века / под ред. Гончаров Г.А., Баканов С.А. Сборник статей. Челябинск: Энциклопедия, 2009. – 571 с. С. 24 – 25.
2. Максимова Л.А., Лямцева Л.В. Советская модель мобилизационной экономики // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 1 – С. 77-79 URL: www.rae.ru/fs/?section=content&op=show_article&article_id=7779824 (дата обращения: 22.08.2012).
3. Зубков К. И. Феномен мобилизационной экономики: историко-социологический анализ // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века / под ред. Гончаров Г.А., Баканов С.А. Сборник статей. Челябинск: Энциклопедия, 2009. – С. 64.
4. Система ИТЛ в СССР. 1923 – 1960 гг. Справочник. – М.: Звенья, 1998. – С.308 – 309, 150.
5. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. I. Д. 565. Л. 32, Л.76, Л. 14.
6. ГАРФ. Ф.9414. Оп. I. Д. 550. ЛЛ. 65-72.
7. ГАРФ. Ф.9414. Оп. I доп. Д. 713. ЛЛ. 14-54, Л.70-74.
8. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. I. Д. 291. ЛЛ. 5, 14.
9. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. I доп. Д.493. Л. 44, ЛЛ. 276-287.
10. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. I. Д. 724. Л. 80 – 81, Л.9.
11. Иванова Г.М. История ГУЛАГа, 1918-1958: социально – экономический и политико-правовой аспекты. – М.: Наука, 2006.- С. 424.
12. Глухова Е.М. Строительство Сталинградской ГЭС: комплектование кадрами, организации труда и быта. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Волгоград: Изд – во Волгоградского государственного университета, 2007.
13. РГАЭ. Ф. 9572. Оп. 1. Д. 461. Л. 4; Д. 462. Л. 5, 6; Ф.7854. Оп.2. Д.1157. Л. 1-69, 99.
14. См. подр.: Бородкин Л., Грегори П., Хлевнюк О. ГУЛАГ: экономика принудительного труда - М.: РОССПЭН, 2005.- 320 с.
15. Цепкалова А. А. Принудительный труд в контексте мобилизационной политики: трудовое использование заключённых ГУЛАГа на объектах капстроительства Главпромстроя // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века / под ред. Гончаров Г.А., Баканов С.А. Сборник статей. Челябинск: Энциклопедия, 2009. - С. 377.

LABOUR USE OF PRISONERS IN THE CONTEXT OF SOVIET MOBILIZATION ECONOMY (ON THE EXAMPLE OF BUILDING OF KUIBYSHEV AND STALINGRAD HYDROELECTRIC POWER STATIONS)

© 2012

E.A. Timohova, candidate of historical sciences, associate professor of the chair «History»
Tolyatti state university, Tolyatti (Russia)

Keywords: mobilization economy; General directorate of camps; forced labour political reprisals; labour use of prisoners; building of Kuibyshev and Stalingrad hydroelectric power stations; modernization.

Annotation: The article is devoted studying of role and value of work of prisoners in the Soviet mobilization economy.

УДК 801.7

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ ОПИСАНИИ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© 2012

О.В. Томберг, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Германская филология»
*Российский государственный профессионально-педагогический университет,
Екатеринбург (Россия)*

Ключевые слова: речевой портрет; аксиология; лингвокультурология; концепт.

Аннотация: Исследованы лингвистические уровни и способы отражения культурных ценностей в речевом портрете английских национальных героев в сопоставительном освещении.

В настоящее время можно выделить ряд направлений исследования речевого портрета: лингвоперсонологическое (речевой портрет как воплощенная в речи национальная языковая личность), прагматическое (как манифестант речевых стратегий и тактик), лингвопоэтическое (как один из способов интродукции художественного образа) точек зрения. Исследование речевого портрета интересно с лингвокультурологической точки зрения, и в этой связи изучение способов и уровней дискурсивной актуализации ценностей культуры и лингвокультуры является очень продуктивным.

Представление культуры и лингвокультуры в ценностно-смысловом пространстве языка является методологической доминантой лингвокультурологии (В.В.Воробьев, Н.Ф.Алефиренко, В.И.Карасик). Данная работа сфокусирована на такой важной особенности аксиологической составляющей культуры, как ее динамический характер. Ценности хронотопичны: они подвижны в зависимости от время-пространственных характеристик, соответственно, репрезентация ценностей в языке также отличается исторической подвижностью. В этой связи приложимы рассмотренные В.И.Карасиком явления эволюции и инволюции [9: С.142]. Поскольку система ценностной ориентации личности состоит из таких компонентов, как когнитивный, эмоциональный и поведенческий [3, С.161], исследование репрезентации ценностного слоя культурного сознания народа в языке возможно, соответ-

ственно, в двух основных ракурсах. Первое – когнитивное исследование, которое обнаруживает наличие тех или иных ценностей в лингвокультуре через выявление и анализ ключевых слов / концептов – ядерных ценностей культуры в понимании А.Вежбицкой. Концепт как «сгусток культуры в сознании человека» (определение Ю.С.Степанова) является непосредственной репрезентацией интериоризации культурой той или иной ценности. Второе направление исследования ценностей смыкается с лингвостилистическими исследованиями и направлено на выявление коннотативного фона тех или иных явлений культуры, выявляющими их степень значимости по шкале «хорошо – плохо».

При исследовании речевого портрета данные вводные замечания являются особенно релевантными в тех случаях, когда анализу подвергаются речевые портреты культурно значимых личностей. При этом речь может идти как об исторической личности, так и о вымышленных персонажах, художественных образах, прежде всего – фольклорных, которые являются порождением и, следовательно, выразителями ценностных ориентаций всей культуры: например, культурно значимый образ национального героя. В английской лингвокультуре народная идея о национальном герое впервые была эксплицирована в образе Беовульфа – героя англосаксонского периода и затем, в средневековый период – в образе Робин Гуда. Это герои высокого миметического модуса, в образах которых отража-